

Азбука
PREMIUM

Книги
Андре Моруа,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»



Земля обетованная



Сентябрьские розы



Превратности любви



Семейный круг



Фиалки по средам

(Новеллы)



Три Дюма



Байрон



История Франции



История Англии



История Германии



**Прометей,
или Жизнь Бальзака**

АНДРЕ МОРУА

Фиалки по средам

Новеллы



АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
М 80

André Maurois
POUR PIANO SEUL
Copyright © 2006, The Estate of André Maurois,
Anne-Mary Charrier, Marseille, France
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
and Associates

Перевод с французского Елены Мурашкинцевой,
Софьи Тархановой, Веры Мильчиной,
Елены Богатыренко, Юлии Рац, Бориса Акимова,
Юлианы Яхниной, Киры Северовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

- © Е. Д. Мурашкинцева, перевод, 2012
- © К. А. Северова, перевод, 2012
- © Ю. Я. Яхнина, перевод, 2012
- © В. А. Мильчина, перевод, 2012
- © Ю. М. Рац, перевод, 2012
- © Е. Д. Богатыренко, перевод, 2012
- © Б. С. Акимов, перевод, 2012
- © Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17138-1

Ты — великая актриса

Робер Фабер всегда вызывал у меня сложные чувства. Мне не нравился его цинизм, я восхищался его темпераментом. Его пьесы меня раздражали — я признавал их драматургическую силу. Меня шокировал его эгоизм — я был растроган тем, что он сделал меня своим доверенным лицом. Я с трудом выносил его утренние, часто бесконечные телефонные разговоры. Если он не звонил мне три дня, я начинал скучать по нему.

Сегодня утром он был краток и неумолим:

— Дорогой мой, я буду вам очень признателен, если вы бросите то, что пишете в данную минуту, и подскочите сюда. Мне нужно вам рассказать нечто очень важное.

— Право же, Робер, вы злоупотребляете моей дружбой и терпением... Вы призываете меня к себе по три раза в неделю... как правило, по какому-нибудь пустяшному или незначительному поводу. Я только что взялся за статью. Оставьте мне право на личную жизнь!

Через пять минут спора я понял, что потрачу меньше времени, если поеду к нему: в случае отказа он продержал бы меня все утро на телефоне. В то время он жил довольно близко от меня. Через четверть часа я вошел в его кабинет. Он сразу заговорил самым сладким тоном. Я знал по долгому опыту, что комплименты в устах Фабера — это всегда вложение капитала. Каких же дивидендов он ожидал в этот раз?

— Дорогой мой, — сказал он, — я только что прочел вашу штучку о Менетрие. — Это шедевр тонкости, вкуса, стиля. Поистине вы *единственный* критик нашего времени...

— Спасибо. Что вам нужно от меня?

— Ну... я не знаю, знакомы ли вы с мадам Астье... мадам Адриан Астье?

— Вы же сами представили меня ей. Очень красивая женщина.

— Ведь правда же? Она из мелкобуржуазной семьи, но в ней есть блеск, свежесть и даже остроумие, дорогой мой... В общем, я от нее без ума.

— На два месяца или на две недели?

— В таком деле время не значит ничего... Единственное, в чем нельзя сомневаться: в данный момент в мире для меня существует только она... И как раз сейчас возникла уникальная возможность съездить вместе с ней в Испанию... Да... Ей хочется увидеть Андалусию, а муж, у которого дела на Дальнем Востоке, будет отсутствовать два месяца... Все могло бы устроиться самым лучшим для меня образом... Но остается Одетта... Бедная малышка Одетта, я дал ей торжественное обещание, что Пасху мы проведем в кругу семьи, в Боваллоне. Вот уже три года я не отдыхал вместе с ней и детьми... Она будет безутешна.

— Разумеется, но я не понимаю, почему вы обращаетесь ко мне...

— Почему? Да потому что только вы, дорогой мой, можете оказать мне услугу и уговорить ее... Я знаю, что Одетта полностью доверяет вам... Если вы объясните ей, что моя будущая пьеса, действие которой происходит в Испании...

— Вам необходимо, чтобы понять местный колорит, поехать туда вместе с француженкой? О нет, я не смогу это объяснить... Не забывайте, что Одетта для меня — такой же и даже больший друг, чем вы... Если она, как вы сами говорите и как мне хочется верить, питает ко мне полное доверие, то именно потому, что я всегда был честен с ней. А вы предлагаете мне совершить нечестный поступок.

— Нечестный поступок! Да нет же, дорогой мой... Напротив, я полагаю, что вы, именно как друг Одетты, ока-

жете ей большую услугу... Подумайте сами... Предположим, она не согласится и сделает драму из этой пустяковой истории... Что произойдет? Это разрушит нашу семью... Бедная малышка Одетта, она этого не переживет... И кто же будет ее убийцей? Вы...

Этот знаток театра знал, как поставить сцену. Я понял, что в очередной раз мне придется ради собственного спокойствия уступить.

— Хорошо... Я поговорю с Одеттой, однако не обещаю, что буду защищать вашу позицию... Я ее просто изложу, не более того.

— Но вы не будете ее оспаривать? Я только этого и жду от вас... Сейчас я позвоню Одетте. Я оставлю вас одних, и вы сможете спокойно поговорить.

Я попытался добиться отсрочки. Тщетно. Как и герои пьес Фабера, он был неудержим и деспотичен. Нажав на кнопку, он взял трубку и сказал секретарше:

— Попросите мадам Фабер немедленно приехать в мой офис, — после чего встал и вышел.

Через какое-то время вошла Одетта.

— Так вы здесь, Бертран! Какой приятный сюрприз! Что вы сделали с Робером? Он мне только что звонил.

— Да, дорогая Одетта. Он хотел, чтобы мы с вами поговорили.

— Поговорили? Как таинственно! Робер поручил вам что-то передать мне?

— Именно так.

И я попытался тактично подготовить ее к дурной новости. Я сказал, что Робер переутомился, что его здоровье меня тревожит, что пьеса у него не идет, что ему нужно провести несколько недель одному в той самой обстановке, которую он выбрал для своей драмы. Она слушала меня с улыбкой, а затем откровенно расхохоталась.

— Милый Бертран! — сказала она. — Сколько трудов, чтобы сообщить мне, не причинив боли моему несчастному сердцу, что Робер желает поехать в Испанию со своей новой пассией и оставить меня на целый месяц одну!

— Как? Вы знали об этом?

— Я не знала, я предполагала, и ваши шитые белыми нитками доводы подтвердили мою догадку... К счастью! Представьте, Бертран, что мне тоже необходим месяц свободы...

— Вы хотите поехать в Боваллон с детьми?

— Вовсе нет... Я хочу посмотреть греческие острова с близким другом, который предложил мне совершить этот круиз... Я оставлю детей матушке и буду наслаждаться этими семейными каникулами... Почему у вас такой изумленный и удрученный вид, Бертран? Вы считаете, что меня нельзя полюбить?

— Да нет... Конечно... Но я считал, что вы храните верную и несчастную любовь к Роберу.

— Долгое время так оно и было, да и сейчас Робер мне очень дорог... Я восхищаюсь его гением, но не характером... Я терплю его капризы и полагаю, что имею право на компенсацию... А как думаете вы?

— Хм... Да, наверное... Кто же будет вашим счастливым спутником?

— Дорогой Бертран, я не так нескромна, как мой муж.

— Черт возьми, что же мне сказать ему?

— Нет ничего проще. Скажите, что сообщенная вами новость меня потрясла, что вы искусно меня утешили и посоветовали мне, чтобы не так горевать, совершить круиз по Средиземному морю, возможно, с подругой, и, наконец, что вы оставили меня в слезах и печали, но покорную судьбе.

— И вы думаете, он поверит?

— Робер с поразительной легкостью верит всему, что льстит его самолюбию.

Она была права. Он не только добродушно воспринял ответ и план Одетты, но еще и с удовольствием разыграл передо мной прекрасную сцену нежности, трогательной героиней которой стала его жена.

— Бедная малышка Одетта! Она великолепна! Дорогой мой, я считаю, что в наше время уже не найти подоб-

ного примера супружеской самоотверженности. Подумайте сами, ведь она порой говорит: «Расскажи о женщине, которую ты любишь. Все, что касается тебя, мне очень дорого». Знаете, я вижу, словно наяву, как она в этом средиземноморском круизе идет к шезлонгу на нос корабля, чтобы в полном одиночестве полюбоваться звездами и представить себе мое счастье... Мое счастье с другой... Говорите что хотите, мой дорогой, но я верю, что гораздо лучше вызвать подобные чувства, чем пробудить страстную ревность.

— Но *вы-то сами* ревнивы, — сказал я.

— Жутко ревнив.

Он задумался, потом вернулся к прежней мысли:

— Это было бы прекрасным началом пьесы, а? Сцена между мной и вами... Сцена между Одеттой и вами... Это полное самоотречение, без всякой эмфазы... Естественно, ваш персонаж должен быть влюблен в Одетту... Он попытается воспользоваться ситуацией, но вынужден отступить перед чистотой этой необыкновенной женщины...

— Мне это даже в голову не приходило.

— Вполне понятно... Вы же знаете Одетту. Но в пьесе...

Он съездил в Андалусию, а Одетта — на греческие острова, откуда она вернулась загоревшая, пышущая здоровьем, светящаяся счастьем. Я увидел их обоих в июне. После обеда Фабер увлек меня в свой кабинет.

— Ну, я пишу эту пьесу, — сказал он. — Все уже решено.

— Какую пьесу?

— Какую пьесу! Да ту, которую мы с вами обсуждали, которая начинается сценой между мной и вами по поводу Одетты... Название будет «Жертва»... Первый акт уже написан, впрочем, сделать это было легко. Сама жизнь дала мне почти все.

— Сама жизнь? Это же опасно... Надеюсь, вы сделали необходимые перемены?

— Естественно... Я свое ремесло знаю... Перемена совершается инстинктивно... Героя, то есть себя, я превра-

тил в художника донжуановского типа, а вас — в пьесе вы носите имя Бернар — в человека сентиментального...

— В чем же здесь перемена? Вы и есть донжуан, а я сентиментален...

— Да, но все материальные детали представлены совершенно иначе... Трудности начинаются со второго акта. Тут я не знаю, куда повернуть. Думаю, Бернар попытается использовать свой шанс, и ему почти повезет, потому что Жюльетта (Одетта из пьесы) жаждет реванша... Затем, в последний момент, она опомнится, любовь победит.

— Любовь к вам?

— Разумеется... Остается третий акт. Тут все еще темно, но, видимо, надо будет ввести любовницу героя и ее мужа... Муж этот захочет отомстить, и Жюльетта, героически бросившись между ним и своей соперницей — или между мужем и героем, — спасет тому жизнь.

— Вам не кажется, что это слишком мелодраматично?

— Если рассказывать в трех словах, как я это сделал, да... Но все зависит от исполнения... У меня современные персонажи, которые говорят современным языком и действуют так, как поступили бы мы с вами... Капелька мелодрамы в сюжете меня устраивает... В этом суть театра... Диалоги спасут все, а в диалоге, откровенно говоря, мне нет равных!

Истинная правда, что в диалоге ему не было равных — я искренне это признавал. Но все же задал еще один вопрос:

— А мадам Астье?

— Какая еще мадам Астье?

— Та, что ездила с вами в Гранаду и стала первопричиной вашей пьесы.

— А, Пепита... Да, она получит это имя, поскольку мы оказались в Испании... Изумительная была женщина...

— Была? Что с ней случилось?

— Откуда мне знать? Для меня этот эпизод полностью завершен... Полагаю, она воссоединилась со своим Пепито... Но в «Жертве» она обретет новую жизнь... Слу-

шайте, мне бы надо увидеться с этой бедной Пепитой, чтобы уточнить пару деталей, необходимых для роли... Она так грациозно скидывала туфельку, перед тем как лечь в постель... Я попрошу, чтобы она показала это движение актрисе, которая будет исполнять ее роль.

Лето прошло. В октябре я узнал, что «Жертву» начинают репетировать. Жюльетту должна была играть Женни Сорбье (в то время молодая и знаменитая актриса). Фабер часто просил меня посещать репетиции своих пьес. Не то чтобы он признавал за мной какую-то особую компетентность, но ему казалось, что свежий взгляд легче обнаружит неправдоподобие некоторых эпизодов. Я приходил охотно, поскольку любил практическую театральную работу и привычную суету кулис. В тот день мне предстояло увидеть репетицию более любопытную и нервную, чем какая-либо из тех, что я посещал прежде. В большом пустом зале, почти лишенном света, Фабер усадил меня рядом с собой в одном из рядов партера. Он казался озабоченным.

— Не знаю, в чем дело, — сказал он, — что-то не ладится... Женни, которая обычно с полуслова понимает все, что я хочу сказать, сегодня упрямится... Порой у нее даже интонации неестественные, и это ей совершенно не свойственно... Я недоумеваю, дорогой мой... Впрочем, вы сами увидите.

На почти голой сцене появился актер и сел за письменный стол в стиле ампир. Он играл Фабера. Произошла короткая сцена с секретаршей, и та возвестила о появлении персонажа, изображавшего меня. Слушая его, я испытал очень странное чувство. Фабер использовал мои привычные словечки и характерные для меня жесты. Диалог показался мне естественным и живым. Затем на сцену вышла Женни. Я слушал с напряженным интересом: во-первых, потому что был одним из действующих лиц изначальной драмы, но главное, потому что гадал, как Фабер изобразит этот разговор. Я-то знал, как все обстояло на самом деле, а он полагал, что отчаявшаяся Одетта (вер-

нее, Жюльетта) идет на болезненную жертву ради любви к мужу.

Именно эту сцену Женни и разыгрывала перед нами.

— Вы не можете понять, — говорила Жюльетта, — его счастье — это мое счастье. Его наслаждение — мое наслаждение...

Как и предупредил меня Фабер, Женни произносила эти фразы невыразительно. Пару раз он прерывал ее, требуя, чтобы она вкладывала в свои слова больше страсти. Она попыталась, однако ничего не смогла сделать, занервничала и при очередном замечании рассердилась. Выйдя на авансцену, она сдвинула абажур слепившей ее лампы и стала глазами искать в зале Фабера:

— Вы здесь, Робер? Да-да, я вас вижу... Кто это с вами?

— Бертран.

— Ну что ж, поднимайтесь сюда оба. Мне нужно с вами поговорить.

— После репетиции, — сказал Фабер. — Давайте продолжать.

— Нет, репетиции не будет! Нам с автором нужно прояснить один пункт, и я не стану играть, пока это не будет сделано.

— Она сошла с ума, — убежденно сказал мне Фабер.

— Почему сошла с ума? Женни — самая разумная и проникательная актриса в Париже. Конечно же, вы просто обязаны выслушать ее доводы.

— Что она может мне сказать? Она должна играть роль так, как написано... Вот и все. Я же не дебютант, чтобы просить совета у исполнителей.

Женни на сцене все больше приходила в нетерпение:

— Вы идете или нет? Ведь я...

Я взял инициативу на себя и ответил:

— Мы идем.

Я подтолкнул бурчащего и недовольного Фабера к маленькой временной лестнице, соединявшей зал и сцену во время репетиций. На авансцене, держа в руках листы с ролью, нас поджидала Женни.

— Что такое? — спросил Фабер. — Что на вас нашло?

— Нашло то, что я *не могу* произносить этот текст... Ваша добрая женушка совершенно неправдоподобна, по крайней мере для меня... Я ее не понимаю, не чувствую и не могу играть... Как? Перед нами женщина, которой общаются, и при этом крайне неловко, что ее муж собирается в путешествие с другой, обожающей его, а у нее лишь один ответ: «Очень хорошо... Лишь бы он был доволен, тогда и я буду довольна». Такого не может быть... Ну же, Робер, вы повидали бог знает сколько женщин, их было великое множество... Вы встречали хоть одну, которая, будь она действительно влюблена, стала бы блеять нечто подобное, как глупая овца?

— Одну такую встречал, — гордо ответил он, — и именно ее я изобразил в «Жертве»... Фактически эта сцена, которую вы именуєте неправдоподобной, произошла в жизни. На сей раз я ни на грань не отступил от реальности, и, к счастью, у меня есть вернейший свидетель: это присутствующий здесь Бертран. Он был участником реальной сцены разговора с женщиной, которую вы играете...

Женни повернулась ко мне:

— Значит, за все эти глупости отвечаете вы? Вы слышали подобные ответы? Это невозможно... Либо эта женщина идиотка (но тогда эта роль не для меня), либо она ломала комедию и демонстрировала величие души, чтобы со своей стороны насладиться внезапно обретенной свободой... В таком случае она вновь обретет человеческий облик, но это будет другая пьеса.

Я оказался в затруднительном положении. Женни была сто раз права: своей артистической интуицией она угадала поведение настоящей Жюльетты. Но я не мог ничего сказать, не предав одновременно и Робера, и Одетту, поэтому предпочел смолчать.

— Отвечайте же! — сказала Женни. — Вы знали эту Жюльетту, да или нет? И если знали, как вы ее объясните?

— Да, — решил поддержать меня Фабер, — рассказывайте, Бертран.

Не помню, что я тогда наговорил. Помню только начатые и оборванные фразы, свои тщетные усилия показать

сложность персонажа, чтобы оправдать его в глазах Женни и не скомпрометировать в глазах Фабера. Видимо, я не слишком преуспел, потому что Женни с торжеством вскричала:

— Ну вот, видите! Бертран не больше меня верит в чистоту и покорность этой Жюльетты...

— Я ничего такого не сказал.

— Вы не посмели сказать, но ясно дали понять...

Фабер уже отошел от нас. Я посмотрел на него, и меня ужаснул его вид. Он расхаживал по сцене от одной кулисы к другой и яростно тряс головой, порой запуская руки в свою львиную гриву, порой начиная в бешенстве грызть ногти. Вдруг он двинулся на меня, протянув вперед руки и выставив обвиняюще указательный палец. В глазах его полыхала угроза.

— Я все понял! — сказал он. — Женни говорит правду. *Vbi* солгали мне. Я вел себя как ребенок. Обратился к любовнику Одетты с просьбой, которую мог исполнить только друг. Ведь я считал вас другом...

Он разразился своим знаменитым смехом, походившим на ржание, подлинно театральным смехом, достойным Фредерика Леметра или Гаррика.

Я тоже разозлился:

— Я был вашим другом и сейчас ваш друг, но я еще и друг Одетты... Друг, а не любовник... И вы это прекрасно знаете... Разве я виноват, что вы поставили меня в крайне неловкое положение?

— Значит, вы признаетесь, что Одетта доверила вам то, что вы утаили от меня?

— Ни в чем я не признаюсь, я просто говорю, что очутился в трудном положении между вами обоими.

Но он меня уже не слушал. Прошел вглубь сцены, бормоча какие-то слова, которые я не разобрал, затем вернулся к Женни и ко мне. Лицо его прояснилось, он чуть ли не улыбался. Положив свои огромные руки на плечи Женни, он оглядел ее с нежным восторгом.

— Ты — великая актриса, — сказал он. — Величайшая... Ты поняла благодаря одному лишь сценическому

инстинкту, что я заставляю тебя произносить фальшивый, неправдоподобный текст... А я, тоже великий актер, пошел по пути, который ты мне указала, пошел против своего чувства, против своей гордости... В блеске молнии я увидел истину... И я опишу ее. Это будет *великолепно*... Эту пьесу нужно переделать, и обещаю тебе, что ты получишь роль твоего масштаба, роль, которую ты полюбишь.

— Я в этом не сомневаюсь, — с видимым волнением ответила Женни.

— Что до вас, — сказал он мне, — что до вас... А вы мне будете помогать.

В этот момент с робостью вошел консьерж театра и сказал Фаберу:

— Мадам прислала меня сказать, что она ждет внизу в машине...

Вновь раздался знаменитый смех:

— Мадам внизу? Попросите ее подняться сюда.

Через мгновение появилась сияющая Одетта.

— Вот как! — воскликнула она. — Меня сегодня допустили... И Бертрана тоже? Все идет хорошо? Привет, Женни.

Фабер смотрел на нее, качая головой.

— Ах ты, шлюшка, — сказал он, — но я все же очень тебя люблю... И ты меня очень любишь... Да, хочется тебе или нет, ты любишь только меня... Я собираюсь написать, моя маленькая Одетта, лучшую пьесу в моей жизни.

— Я не понимаю, — сказала она, — но верю тебе.

Фабер работал не часто: он писал по одной пьесе в год и тратил на нее от трех до четырех недель. Но работе он отдавался целиком. Сначала он рассказывал сюжет всем встречным и поперечным, чтобы оценить его выигрышные стороны. Излагал он очень хорошо, копируя голоса, подкрепляя мимикой сочные выражения и находя вдохновение по ходу повествования. Потом, поверив в собственный сценарий, он диктовал сцены секретарше, привыкшей ловить фразы на лету, пока он расхаживал по

кабинету, исполняя поочередно партии всех исполнителей. Наконец он перечитывал набросок и в этот момент часто призывал меня для консультаций. Новая версия «Жертвы» показалась мне превосходной. С поразительной смелостью он дошел до крайней точки в ситуации, тягостной для него самого. Из этого получилась сильная истинная драма с многочисленными комическими эпизодами и яростными сценами, создававшими счастливый контраст.

Я не был при том, как он читал пьесу Женни, но спустя несколько дней встретил ее.

— Вы знаете второй вариант «Жертвы»? — спросила она. — Это по-настоящему хорошо, правда? Последние два-три года сюжеты Фабера мне перестали нравиться... Его персонажи казались мне ходульными, но на сей раз снимаю шляпу! Это сама жизнь... лишь слегка стилизованная.

— Вы довольны ролью?

— Я в полном восторге... Легко произносить, легко прожить... Никаких проблем...

Репетиции шли как по маслу и в быстром темпе. Фабер иногда приглашал меня, и мне случалось встретить там Одетту. Я не видел ее с того момента, как муж открыл реальное положение вещей. Вместе, в театре или в свете, они держались совершенно естественно и ничем не показывали, что между ними произошла некая размолвка. Вскоре было объявлено о генеральной репетиции «Жертвы». Пьесу уже окутывала аура успеха. Об этом доверительно толковал весь театральный люд: гримерши, машинисты сцены, электрики.

Представление оказалось триумфальным. Публика очень любила Женни, а взыскательные критики, часто упрекавшие Фабера в схематичности его героев, признали, что в «Жертве» он больше, чем где бы то ни было, преуспел в изображении человеческих страстей.

Когда занавес после двенадцати вызовов опустился наконец в последний раз, все друзья четы Фаберов устре-

мились за кулисы. С трудом пробираясь вперед в переполненном коридоре, я слушал разговоры людей, толкавших меня со всех сторон. Многие сумели угадать прототипы:

— Удивительно! Женни заговорила совсем как Одетта Фабер.

— Да, и это тем более изумительно, что они вовсе не похожи друг на друга.

— А Бертран? Феноменально! Вплоть до его походки...

— Тише, старик, он у вас за спиной.

Когда нахлынувшая волна приподняла меня и бросила в примерную Женни, где были и Робер с Одеттой, одна из приятельниц по глупости или по злобе сказала Одетте:

— Я вас узнала.

Одетта весело и искренно рассмеялась.

— Меня? — переспросила она. — Но я не играю никакой роли в этой истории.

— Как? А Жюльетта?

— Жюльетта похожа на меня не больше, чем вы на «Даму с камелиями».

Потом она повернулась к Фаберу, который стоял рядом с ней, воодушевленный триумфом, и, с олимпийским спокойствием принимая комплименты, шепнула:

— Ты слышал эту дуру? Есть люди, которые совершенно не понимают, что такое произведение искусства.

— Милая Одетта! — ответил он и, склонившись к жене, нежно поцеловал ее.

Мадам Астье, отлучившаяся из Парижа, получила два кресла в ложе на балконе, но не почтила своим присутствием генеральную репетицию «Жертвы».

Добрый вечер, милочка...

— Ты куда, Антуан? — спросила мужа Франсуаза Кенэ.

— На почту. Хочу послать заказное письмо, а заодно вывести Маугли... Дождь перестал, небо над Ментоной уже очистилось — погода явно разгуливается.

— Постарайся не задерживаться. Я пригласила к обеду Сабину Ламбер-Леклерк с мужем... Ну да, я прочитала в «Эклерере», что они приехали в Ниццу на несколько дней... Вот я и написала Сабине...

— О, Франсуаза, зачем ты это сделала? Политика, которую проводит ее муж, вызывает одно отвращение, сама же Сабина...

— Не ворчи, Антуан... И не вздумай уверять, будто Сабина тебе противна!.. Когда мы с тобой познакомились, она слыла чуть ли не твоей невестой!

— В том-то и дело!.. Не думаю, чтобы она мне простила, что я женился на тебе... К тому же я не видел ее лет пятнадцать... Надо полагать, она превратилась в зрелую матрону...

— Никакая она не матрона, — сказала Франсуаза. — Она лишь на три года старше меня... И все равно спорить сейчас уже бесполезно... Сабина с мужем будут здесь в восемь часов вечера.

— Ты могла бы посоветоваться со мной... Ну зачем ты позвала их? Ведь ты знала, что я буду недоволен...

— Счастливой прогулки! — весело бросила Франсуаза и поспешно вышла из комнаты.

Антуан пожалел, что ссора не состоялась. Уж такова была обычная тактика его жены — она всегда уклонялась

от споров. Шагая по аллеям Антибского мыса, между рядами нескладных кособоких сосен, он думал: «Франсуаза становится несносной. Она отлично знала, что я не хочу встречаться с этой четой... Именно поэтому она ничего не сказала мне о своих планах... Она все чаще ставит меня перед свершившимся фактом. Ну зачем она пригласила Сабину Ламбер-Леклерк?.. Только потому, что скучает, не видясь ни с кем, кроме меня и детей. Да, но кто захотел поселиться в этом краю? Кто уговорил меня покинуть Пон-де-л'Эр, бросить дела, родных и в расцвете сил уйти в отставку, к которой я совсем не стремился?»

Всякий раз, когда он начинал вспоминать свои обиды, список их оказывался довольно длинным. Антуан женился по страстной любви, его до сих пор влекло к жене и как мужчину, и, можно сказать, как художника. Он часами не отрываясь разглядывал ее изящный носик, светлые лукавые глаза, безупречные черты лица. Но до чего же иногда она раздражала его! В выборе мебели, платьев, цветов Франсуаза выказывала замечательный вкус. Но в отношениях с людьми ей не хватало такта. Антуан глубоко страдал, когда Франсуаза оскорбляла кого-нибудь из их друзей. Он чувствовал и свою ответственность за нанесенную обиду, и свое бессилие. Вначале он осыпал ее упреками, которые она выслушивала с неудовольствием и на которые не обращала внимания, зная, что он простит ее ночью, когда в нем проснется желание. Потом он стал принимать ее такой, какой она была. После десяти лет совместной жизни он понял, что ее не переделаешь.

— Маугли, сюда!

Антуан зашел в почтовое отделение... На обратном пути он продолжал размышлять о Франсуазе и с каждой минутой все больше мрачнел. Была ли она по крайней мере ему верна? Он верил этому, хотя знал, что она часто ведет себя как отчаянная кокетка и порой даже забывает о благоразумии. Был бы он счастливее с Сабинной? Он вспомнил сад в Пон-де-л'Эр, где юношей встречался с ней. Весь город считал их помолвленными, да и сами они не

сомневались, что рано или поздно поженятся, хотя никогда об этом не говорили.

«У нее был на редкость пылкий темперамент», — подумал он, вспомнив, как Сабина прижималась к нему во время танцев.

Она была первой девушкой, с которой он вел себя смело, чувствуя, что не встретит сопротивления. Он страстно желал ее близости. Затем появилась Франсуаза, и все женщины мира перестали для него существовать... Теперь он связан с Франсуазой навсегда. Позади десять лет совместной жизни. Трое детей. Партия сыграна.

Когда в гостиной он увидел жену, сиявшую свежестью, в муслиновом платье с яркими цветами, его раздражение сразу прошло. Ведь и дом, где они живут, и сад, которым неизменно восхищались гости, — детища Франсуазы. Именно она убедила его покинуть Пон-де-л'Эр и завод за несколько лет до кризиса 1929 года. Если взвесить все по справедливости, она, пожалуй, принесла ему счастье.

— А разве Мишлина и Бако не будут обедать с нами? — осведомился он.

Он так надеялся на это, он предпочитал милую болтовню своих детей беседе с гостями.

— Нет, — ответила Франсуаза, — я решила, что нам будет уютнее вчетвером... Поправь галстук, Антуан.

«Уютно!» — опять одно из тех слов, которых он не выносил. «Нет, „уютно“ не будет, — подумал он, завязывая перед зеркалом галстук. — Сабина, наверное, начнет острить, а Франсуаза — кокетничать с Ламбер-Леклерком, этим чванливым твердолобым министром». Сам же Антуан будет хранить угрюмое молчание.

— Уютно!

Он услышал, как подъехал автомобиль и затормозил, колеса закрипели по гравии. Супруги Кенэ приняли непринужденные позы. Минуту спустя появились гости. У Сабины были черные волнистые волосы, полные плечи и красивые глаза. Ламбер-Леклерк сильно облысел — не-

сколько жалких волосков лежали на голом черепе, точно барьеры на беговой дорожке. Он был, казалось, не в духе. Видно, и он тоже против воли приехал на этот обед.

— Добрый вечер, милочка! — воскликнула Франсуаза, целуя Сабину. — Добрый вечер, господин министр...

— О нет, милочка! — сказала Сабина. — Не вздумай только величать моего мужа министром... Ты же зовешь меня Сабинной, зови и его Альфредом... Добрый вечер, Антуан...

Вечер выдался на редкость теплый и ясный, и Франсуаза велела подать кофе на веранде. За столом разговор не клеился. Женщины скучали. Антуан из упрямства, злясь на себя, весьма неосмотрительно противоречил Ламбер-Леклерку, который, гораздо лучше информированный, чем его собеседник, легко побивал его в споре.

— Вы настроены оптимистически, потому что стоите у власти, — говорил Антуан. — На самом же деле положение Франции трагично...

— Да нет, дорогой мой, право же, нет: денежные затруднения никогда не бывают трагичны. Французский бюджет показывает дефицит вот уже шесть веков, и слава богу!.. Поверьте, просто необходимо время от времени разорять рантье... Иначе к чему бы мы пришли? Вообразите себе эти капиталы, помещенные в банк под большие проценты еще со времен Ришелье.

— Английский бюджет не знает дефицита, — буркнул Антуан. — Более того, доходы превышают в нем расходы. И англичане от этого не страдают, насколько мне известно.

— Дорогой друг, — отвечал Антуану Ламбер-Леклерк, — я никогда не мог уразуметь, что за страсть у французов вечно сравнивать две страны с разной историей, разными нравами и разными потребностями... Если бы Франция действительно нуждалась в сбалансированном бюджете, мы тотчас бы все устроили. Да только Франция вовсе к этому не стремится, или, если хотите, Франция не так уж сильно в этом заинтересована, чтобы согласиться

также на средства, необходимые для достижения подобной цели. Характер бюджета — не финансовый вопрос, а политический. Скажите мне, на какое большинство вы намерены опираться, правя страной, и я скажу вам, как будет выглядеть ваш бюджет. Министерство финансов может подготовить любой бюджет — социалистический или радикальный, а также реакционный... Достаточно сказать, чего вы хотите!.. Все это гораздо проще, чем воображают профаны.

— Так ли уж это просто? И посмеете ли вы высказать ваши соображения избирателям?

По каким-то малозаметным признакам, по тому, как внезапно ожесточился его взгляд, Франсуаза почувствовала, что ее мужа вот-вот охватит приступ ярости. Она решила вмешаться в разговор.

— Антуан, — сказала она, — ты бы прогулялся с Сабиной к монастырю, показал ей, какой вид открывается оттуда...

— Что ж, отправимся туда все вместе, — предложил Антуан.

— Нет-нет, — возразила Сабина, — Франсуаза права... Супругов надо разлучать... Так гораздо забавнее...

Она встала из-за стола. Антуану ничего другого не оставалось, как подняться и последовать за ней. Он успел бросить Франсуазе сердитый взгляд, который та не пожелала заметить.

«Мои опасения сбываются, — подумал он. — Теперь мне придется провести добрых полчаса наедине с Сабиной... Только бы ей не вздумалось потребовать от меня объяснения, которого она ждет вот уже десять лет! Неужели Франсуазе хочется, чтобы этот самодовольный министр ухаживал за ней?»

— Какой дивный запах! — произнесла Сабина Ламбер-Леклерк.

— Это апельсиновые деревья... Навес, под которым мы сидели, тоже сплетен из ветвей апельсиновых и лимонных

деревьев, глициний и роз... Но наши розы почти совсем одичали... Надо бы сделать прививку... Сюда, Сабина... Свернем на эту дорожку и спустимся вниз...

— А сами вы, Антуан, не одичали в своем уединении?

— Я? Да я всегда был дикарем... Вы что-нибудь различаете в темноте? Взгляните, по обе стороны бассейна растут цинерарии... При планировке сада в основу был положен контраст между темными, фиолетовыми или синими цветами и ярко-желтыми. Во всяком случае, такова была идея Франсуазы. А на этом склоне она задумала создать буйные заросли дрока, мастикового дерева, раkitника, царских кудрей.

— Я рада побыть с вами наедине, Антуан... Я очень люблю вашу жену, но как-никак мы с вами были когда-то большими друзьями... до вашего знакомства с ней... Вы еще помните об этом?

Осторожности ради он замедлил шаг, чтобы не оказаться слишком близко к ней.

— Ну конечно же, Сабина, как я могу забыть?.. Нет, идите прямо вперед, сейчас будет мостик. Вот и монастырь. Что за цветы растут между плитами? Обыкновенные анютины глазки...

— Помните тот бал — мой первый бал? Вы отвезли меня домой на автомобиле вашего деда... Мои родители уже спали. Мы вошли в маленькую гостиную. Ни слова не говоря, вы привлекли меня к себе, и мы снова начали танцевать...

— Кажется, я даже поцеловал вас в тот вечер?

— Поцеловал!.. Мы целовались битый час!.. Это было чудесно... Вы стали героем моего романа...

— Наверно, я сильно разочаровал вас!

— Напротив, в начале войны вы совсем покорили меня своей доблестью. Вы держались великолепно... Я могла без запинки назвать все ваши награды. Я до сих пор помню их, могу перечислить хоть сейчас... Потом вы были ранены, а оправившись от ранения, обручились с Фран-

сузой Паскаль-Буше. Вот тогда, сказать по правде, я огорчилась... Да и как могло быть иначе?.. Ведь я так восхищалась вами... Услыхав, что вы женились на девушке, которую я хорошо знала по лицую Сен-Жан — мы учились в одном классе, она была очень мила, но глуповата, простите меня, Антуан, — я удивилась и огорчилась за вас... И не я одна, весь город...

— Но отчего? Мы с Франсуазой люди одного круга и вполне подходим друг другу... Взгляните сюда, Сабина: видите вот тот утес, весь в световых бликах? Это утес Монако... Не наклоняйтесь слишком низко — терраса висит над морем... Осторожно, Сабина!

Он невольно придержал ее за талию. Она молниеносно обернулась к нему и поцеловала прямо в губы.

— Будь что будет, Антуан! Уж очень мне этого хотелось! Трудно держаться на расстоянии от человека, который когда-то был тебе близок... Помните, как мы целовались на теннисном корте? О, я вижу, вы шокированы... Вы остались настоящим Кенэ... Не сомневаюсь, что вы всегда были верным мужем...

— На редкость верным... Беспорочным...

— Это на протяжении десяти-то лет? Бедный Антуан!.. И вы счастливы?

— Совершенно счастлив.

— Если так, все хорошо, милый Антуан. Вот только не пойму, отчего у вас такой несчастливый вид.

— С чего вы это взяли?

— Не знаю... Просто чувствую в вас какую-то неудовлетворенность, раздражение, какую-то неприкаянность... Что бы вы там ни говорили, Антуан, все же вы были настоящим Кенэ из Пон-де-л'Эр, то есть человеком деятельным, привыкшим руководить людьми. А теперь вы живете здесь, оставив любимое дело и своих друзей... Я знаю: вы все принесли в жертву вкусам вашей жены... Но трудно себе представить, что вы никогда не жалеете об этом...

— Может быть, вначале я действительно немного тосковал... Но потом я нашел себе другое занятие. Всю жизнь я питал пристрастие к истории... Теперь я занялся этой наукой всерьез... Я даже написал несколько книг, которые имели некоторый успех.

— Некоторый, говорите вы? Ваши произведения имели огромный успех, Антуан, это замечательные работы... Особенно ваш труд о Людовике Одиннадцатом...

— Вы читали мои книги?

— Читала ли я их?! Да сотни раз! Во-первых, я тоже обожаю историю... А во-вторых, я искала в них вас, Антуан... Я по-прежнему интересуюсь всем, что имеет к вам отношение. И я считаю вас превосходным писателем... Нет, я нисколько не преувеличиваю... Признаться, меня даже удивило, что во время обеда Франсуаза ни единым словом не обмолвилась об этой стороне вашей жизни. Два-три раза мой муж пытался заговорить с вами о ваших книгах, но всякий раз Франсуаза прерывала его... Мне кажется, ей следовало бы гордиться вашим творчеством...

— О, да чем же тут гордиться?.. Но это верно, что Франсуаза не интересуется книгами такого рода... Она предпочитает романы... А главное, она и сама артистическая натура — как искусно она выбирает свои наряды, какой чудесный сад она разбила! Она сама наметила место для каждого цветка. С тех пор как кризис захватил и Пон-де-л'Эр, наши доходы сократились. Теперь Франсуаза вынуждена делать все сама.

— Франсуаза делает все сама! У Франсуазы столько вкуса! Забавнее всего, что вы действительно в это верите! Слишком уж вы скромны, Антуан... Я знала Франсуазу девушкой, тогда у нее было несравненно меньше вкуса, чем сейчас. Во всяком случае, как и все семейство Паскаль-Буше, она питала неумеренное пристрастие к безделушкам и украшениям... Во всем этом была какая-то слащавая претенциозность... Это вы развили ее вкус, открыв ей красоту простых и строгих линий... А главное — вы дали

ей средства, позволяющие вести эту жизнь. Ее сегодняшний наряд, безусловно, очарователен, но не забывайте, дорогой друг, что это платье от Скъяпарелли. Заказывая наряды у лучшего портного, не так уж трудно проявить вкус.

— Вы ошибаетесь, Сабина... Это платье Франсуаза сшила сама, ей помогала только служанка.

— Бросьте, Антуан, нас, женщин, не проведешь!.. Эти вытачки, безупречное изящество складок... К тому же только у Скъяпарелли можно встретить подобный рисунок ткани, характерное смешение золотистых тонов с перванш... А впрочем, все это совсем не важно...

— Увы, это гораздо важнее, чем вы думаете, Сабина!.. Я ведь уже говорил вам, что мы сейчас крайне стеснены в средствах... Наши доходы не идут ни в какое сравнение с прежними... Пон-де-л'Эр больше ничего не дает, и Бернар пишет, что так может продолжаться несколько лет... Книги мои расходятся довольно хорошо. Иногда я пишу также статьи... И все же бедняжка Франсуаза не может позволить себе одеваться у первоклассных портных.

— Ну, если так, это просто чудо, милый Антуан! Невероятно, но чудесно!.. Мне остается лишь склониться перед Франсуазой... Впрочем, я всегда была расположена к ней... Никак в толк не возьму, отчего ее недолюбливают.

— Ее недолюбливают?

— Да ее просто ненавидят... Неужто вы не знаете?.. Меня поразило, что в Ницце ее осуждают точно так же, как в свое время в Пон-де-л'Эр...

— За что же ее осуждают?

— О, да за то же, что и прежде... За эгоизм, за кокетство с мужчинами и коварство с женщинами... За лицемерие... И конечно, за отсутствие такта... Помнится, я всегда защищала ее. Уже в те времена, когда мы вместе учились в лицее Сен-Жан, я говорила: «Франсуаза Паскаль-Буше гораздо лучше, чем она кажется... Видно, это ее наигранный тон и неприятный голос восстанавливают вас против нее...»

— Вы находите, что у нее неприятный голос?

Моруа А.

М 80 Фиалки по средам : новеллы / Андре Моруа ; пер. с фр. Е. Мурашкинцевой, С. Тархановой, В. Мильчиной и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-17138-1

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго и др., считается подлинным мастером психологического романа. Однако именно новелла на протяжении всей жизни была его любимым жанром. В сборник «Фиалки по средам» вошли новеллы разных лет – истинные шедевры малой прозы, удивительные, окрашенные лиризмом, тонкой иронией, снабженные неожиданной развязкой.

К сожалению, российскому читателю «Фиалки по средам» уже более полувека достаются по большей части в сильно усеченном варианте (за исключением издания 2012 года, обычно печатали лишь треть оригинального состава). Тем приятнее представить полностью эту жемчужную нить новелл Моруа, достойно продолжившего блистательную традицию Бальзака, Стендаля, Мопассана.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

АНДРЕ МОРУА
ФИАЛКИ ПО СРЕДАМ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Мария Молчанова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.10.2019. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 25,2.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



Y-AUM-25637-01-R